

А.-Э. Ромер

Контекст. Раз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63595761

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои первой части романа живут в привычном ритме, каждый на своём месте. Кому-то нравится мир без обязательств и привязанностей. Кто-то готов идти до конца, поставив для себя конкретные цели. Сегодня ваши дела идут в гору, а завтра вас выкинет на обочину. Однако неудавшееся покушение на юге Франции и начавшееся по нему расследование внезапно меняют многие судьбы. Деление на хороших и плохих оказывается весьма условным – всё зависит от угла зрения, степени лицемерия или ханжества. Связывающие на протяжении десятилетий отношения требуют переоценки. К тому же, вспоминая о прошлом, не стоит забывать о сюрпризах, которые ждут вас впереди. Содержит нецензурную брань.

Содержание

РАЗ	5
1	6
2	30
3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

А.-Э. Ромер

Контекст. Раз

Предисловие автора

«Контекст» – это не более чем «изящная словесность» (франц. «belles lettres»), так что читателей я прошу относиться к этому «многосерийному» произведению именно как к таковому. Вымысел здесь во всём, несмотря на упоминание реальных топонимов, некоторых героев, даже некоторых событий. Совпадения возможны, но... без задней мысли. Такая же ситуация со мнениями персонажей и автора: последний готов оспорить позицию каждого из своих героев. Да, и ещё вот что. Каждая из книг, объединённых в «Контекст», будет озаглавлена просто, с помощью числительных.

Автор

*Если вам поставили мат, не расстраивайтесь,
у вас впереди ещё сотни проигранных партий.*

Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера – шахматный нежурналист.

РАЗ

Не ешь бобов перед игрой.

Билл Уолл – шахматный журналист.

1

Сегодня.

Холодный и тяжёлый день. Я завалил себя работой. С утра на ногах и сегодня только в четверть восьмого вечера решил зайти в ближайший бар, чтобы скоротать время, пока приведут в порядок мой автомобиль. Всё же надо было приезжать сюда не на своём автомобиле. Слава богу, есть на то и поезда, и самолёты. Из Тулона в Париж – не ближний свет.

Остановился на первой же автомойке, что попалась на глаза – оставил машину через дорогу, возвращаясь из окружного трибунала на улице Филиппа де Шампаня. Решаю: остаться ли мне ещё на одну ночь в столице или же направиться домой, в Тулон.

Я – адвокат Ален Тавернье. Ещё в самом соку. Во всех смыслах, хотя мне уже больше пятидесяти лет. Процент проигранных мною дел – очень мал. Моя шевелюра только начала редеть. Я одет в дорогое и шикарное пальто, под которым роскошная рубашка белого цвета и контрастирующий с этой белизной тёмно-коричневый галстук – под цвет пальто. В моих глазах ещё теплится живой огонёк и, входя в любое помещение, я первым делом обшариваю его глазами с намерением найти человека, который обратит на меня внимание. Обычно я не остаюсь незамеченным ни для кого. Сейчас же я не желал никакого постороннего внимания: это немного

утомляет, а силы и так были на исходе.

Холост, точнее – разведён. Но в часы битвы полов, под которыми подразумеваю время, проводимое в постели с часто сменяемыми партнёрами по сексу, я бываю время от времени начеку: вдруг одна из них окажется моей следующей второй половинкой.

Да, я уже был счастливо женат. Мы завели детей. Двоих. Девочку – ровно через положенные девять месяцев после нашей первой брачной ночи. И мальчика – с перерывом на год и ещё тех же обусловленных природой девять месяцев. Семнадцать лет абсолютно счастливой жизни, которая разлетелась вдребезги. «Как ты понял, папа, что вы с мамой созданы друг для друга? – Потому что, когда я её встретил, она была красива, умна, заботлива и вообще супер! – Значит, теперь она у нас уродина, лохушка, равнодушная и вообще полный отстой? – Ну нет же, я вовсе не так хотел вам объяснить! – У тебя получается так!» Я слабо улыбаюсь про себя каждый раз, когда вспоминаю эти вопросы от наших детей.

Этот брак никак нельзя было назвать обречённым на неудачу. Скорее наоборот. Но однажды между нами пролегла слишком глубокая трещина. В последние полтора года совместной жизни у нас затянулся период взаимных обвинений. Некоторые из них были небезосновательны, но я счёл их принципиальными. До принятия решения о необходимости развода я был мягок, как растаявшее сливочное мороженое, потому меня с детства приучили проявлять ко всем

терпимость. Не так уж часто привитые взрослыми в детстве нормы поведения удаётся ломать в себе собственными руками. Но однажды я внезапно понял, что больше не выдержу и лишнего дня под одной крышей с человеком, которого любил. Я решил сражаться за свою личность в этом бою. В отношениях с ним, ну, то есть с ней, наступила эпоха цинизма и фрустрации.

Могу сказать одно: окружающих наш развод впечатлил. Но достаточно и вас пугать своей нахлынувшей откровенностью, к чёрту излишние воспоминания.

В баре я подошёл к стойке и терпеливо ожидал, пока бармен закончит болтать по мобильнику. Это высокий выходец из Магриба, намного младше меня. Как только он соизволил обнаружить моё появление (а случилось это всего через пару минут его непрерывного общения по поводу чьей-то медицинской страховки), он экзальтированно покачал головой, прикрыл ладонью трубку:

– Добрый вечер. Что желаете?

– Колу и чашку кофе.

– Не желаете хорошего кенийского?

– Да, не откажусь.

– Анна-Мари, принеси колу! Присаживайтесь, вас сейчас обслужат.

Очаровательно! Анна-Мари, хотя давно должна была заметить, что в баре стало на одного посетителя больше, до этой команды стояла ко мне спиной, облокотившись на стой-

ку и уставившись в телевизор так, чтобы её кажущаяся неосведомлённость об увеличении популяции посетителей в баре ни у кого не вызывала сомнений. Но теперь она была вынуждена поднять якорь и сдвинуться с места. На экране разорвался перед гостями нового шоу Тьерри Ардиссон¹. Честно говоря, мне импонируют его хрипловатый голос и манеры.

Я занял свободный столик у окна, чтобы заметить сразу же, когда мой автомобиль выгонят с мойки на стоянку, и откинулся на спинку стула. В баре были только двое посетителей: молодые девушки сидели в другом углу бара и о чём-то увлечённо беседовали, попивая разливное пиво.

Здесь я впервые. Обычно стараюсь найти какие-нибудь места попримечнее, даже если вот также вынужденно убивал время. Но в этот раз я настолько устал, что просто направился к первому же попавшемуся на глаза огоньку вывески. И уже решил, что больше никогда не появлюсь в этом баре. Даже если обещанный кенийский кофе будет добротным на вкус. В ожидании напитков, я достал из внутреннего кармана пальто конверт, о котором чуть не забыл и вскрыл его, достав судебную повестку из Марсельского трибунала. Надо будет не забыть внести очередную запись в ежедневник.

Положение разведённого мужчины не так уж и тягостно. Впрочем, будучи официально одиноким, никогда не чувствовал себя таковым – случайные подружки мне не предо-

---

¹ [Ведущий и продюсер французского кино и телевидения.](#)

ставляли такую возможность.

Хотя я люблю женщин – это в детстве они противные, а потом, когда подрастают, то бывают ничего себе так. Сначала я был гадким утёнком. Точнее – толстым, умным (это не всегда означает, что прилепившееся от одноклассников звание «зубрила» отображало истинное положение дел), скромным и с набором подростковых комплексов. В период учёбы в университете я сильно изменился: и телосложением тоже. Чувство неуверенности в себе («ах, неужели я не такой как все»), переросшее с годами в «ах, как хорошо, что я не сильно отличаюсь от остальных») придавало мне обладание неким романтическим стилем в поведении. Это можно назвать природной застенчивостью и внимательностью к другим. К старшим и женщинам. За это все меня обожали. Но с возрастом я старательно гасил в себе эти черты.

В моих венах течёт и корсиканская кровь. Отсюда моя привлекательность по южному типуажу. Рост выше среднего. Воздыхательницы называли меня даже красавцем, чем вводили поначалу в краску. Успех у женщин. (Википедия: «Успех – достижение поставленных целей в задуманном деле, положительный результат чего-либо, общественное признание чего-либо или кого-либо». Таких целей не ставил. Общественного признания никогда не добивался. Остаётся «Положительный результат». Это что-то вроде турнира для альфа-самцов? Расшифруйте мне этот термин для такого понятия, как «Успех у женщин», господа википедисты! К по-

ложительному результату надо стремиться, что-то для этого делать, как-то развивать. Ну не знаю, у меня это просто имеется в наличии). Но я им никогда не бахвалился. Даже в мужской компании. После развода наслаждался им когда считал возможным.

Свой ответ на прямой вопрос: «Обязан ли ты чем-то женщине, после того как занимался с ней сексом?» я с течением времени (это процесс, иногда называемый процессом взросления) кардинально изменил. Я не беру в расчёт свои идеи по этому поводу в том возрасте, когда был девственником и считал реальным сексом даже простое прикосновение к ложбинке между грудями девчонки.

До бракосочетания я считал единственно возможным отвечать: «Да, конечно». Спустя семнадцать лет: «Нет, конечно». Женщины воспринимали расставание со мной всегда с сожалением, и часто – с пониманием. Пару раз между мной и очередным объектом возникал вопрос о расплате за полученное удовольствие, выражаемое в форме: «Ты не можешь просто так уйти, а как же мои чувства к тебе?» Или вот классическое: «Я отдала тебе лучший (крайне редко встречающийся вариант – лучшие) год (секунды, минуты, дни, месяцы, века) жизни!» Можно подумать, что я предлагал при этом кому-то обмен на свои худшие аналоги времени! У меня таких в жизни просто не было!

Приходилось напоминать о заранее оговоренных правилах отношений между нами. О бесперспективности изобра-

жать из себя жертву насилия со стороны политика Франции, роль которого сыграл харизматичный на все времена Жерар Депардьё в фильме «Добро пожаловать в Нью-Йорк»². И я действительно никак не возьму в толк, почему весь мир ополчился против бедолаг, заклёванных героинями курятника под всемирной вывеской «#MeToo». Не хочу при этом обидеть ни одну приличную курицу: попадают в нашем мире столь же одиозные петухи.

Вы не смотрели «Добро пожаловать в Нью-Йорк»? И не тратьте на него своё драгоценное время! Подаётся это произведение как драма. В прологе «остросюжетного, завораживающего по закрученности» вышеупомянутого фильма, где «высокохудожественные эротические сцены просто потрясают зрителя» (Ирония. Ирония?), Депардьё поясняет журналистам в кадре и публике, что он «не понимает, как можно получить удовольствие за шесть минут». Что ж, это личное мнение человека, который, судя по этой фразе, не один десяток лет замерял с секундомером каждый счастливый эпизод своей жизни. Если это именно его мнение, а не фраза из сценария. Так что этот фильм шедеврален хотя бы тем, что такое предисловие к нему позволяет сделать как минимум один эпохальный вывод: всякое сексуальное удовольствие должно длиться хотя бы минут семь!

Выносящим мне мозг женщинам я сделал подходящие подарки в ответ на их претензии: отправил через мессенджер

---

² Художественный фильм 2014 года.

ссылку в интернете с указанием обязательно посмотреть этот кинохит с постскриптумом: «нам и часа было мало». Это действовало на них благотворно: просмотрев этот фильм, они переставали мне надоедать.

Лишь единожды я едва не изменил своим правилам, и гадаю до сих пор: не совершил ли я в ту минуту ошибку? Когда в ответ на мою фразу о том, что нам пора расстаться, одна из моих женщин кивнула: «Да. Только перед тем как ты уйдёшь, просто обними меня, Ален». Любящие просто нуждаются в этом.

Только сейчас я понимаю, что нашёл истинную формулу любви. Нет, это вовсе не похоже на скопище переменных в длинных строках, перемежёванных знаками математических действий, на тесты и инструменты психотерапевтических методик для анализа взаимоотношений партнеров. Любовь – это когда тебе для настоящего экстаза достаточно обнять, прикоснуться до любимого человека. На ощупь, осязательно почувствовать его. И взаимность этого чувства. Секс – да, но это другое. Самоотверженный поступок ради любимого, любимой – да, но это другое. Это проявления любви.

«Просто обними меня, Ален».

Нет, всё же и тогда я не ошибся. В том эпизоде отсутствовала взаимность. С моей стороны.

Бармен наконец избавился от назойливого телефонного собеседника и бросил взгляд на столик девушек. А точнее – на содержимое их бокалов, зычным голосом заставив ото-

рваться их от трёпа:

– Дамы не желают обновить своё пиво?

Дамы и не думали отказываться и согласно закивали. По волнообразным движениям их пьяненьких головок можно было понять, что они уже не один раз посещали дамскую комнату, дабы избавиться от переработанного их организмами пенного напитка.

– Анна-Мари, не забудь отнести девушкам новые бокалы, – бармен не жалел своего голоса, хотя в тихом и пустом заведении он мог позволить себе говорить даже шёпотом, и при этом не бояться быть неслышанным.

– Сейчас, – с лёгкой хрипотцой отозвалась официантка, подходя ко мне с бутылочкой уже откупоренной колы и кофейной парой на подносе. Если бы не её габариты, уже оцененные мною со спины, я мог бы признать, что тембр её голоса принадлежит весьма сексуальной особи. И тембр знакомый, где-то я его уже слышал. – Я только отнесу кофе месье.

Я так устал, что сидел в каком-то оцепенении. В судах всегда много людей: взгляды, речи. Вы ни разу не были в суде? Это отнимает много энергии. Словно в одну секунду меня покинули все силы, и я неподвижно жду собственного возрождения. Это бывает. Наступает такое состояние, когда человек думает вроде бы обо всём, а на самом деле ни о чём. Смотрю сквозь стекло в никуда, в полной уверенности, что нахожусь там, где могу спрятаться от знакомых лиц и взглядов.

Не очень изящная фигура официантки пришвартовалась у моего столика и поставила передо мной напитки, но не ограничилась только этим. Анна-Мари успела рассмотреть адресата на моём конверте.

– Ой-й-й-й, мэтру Алену Тавернье, – перекосив свою шею над конвертом, удивлённым голосом прочла вслух моё имя официантка и пристально стала рассматривать меня, словно бы встретила в этой дыре как минимум Алена, но Делона. Хриплый сексуальный голос стал ну просто оргазмическим. Готов поклясться...

Так, кое-что всплывает в моей памяти. Молоденькая мадам Бадин, которая лет десять назад в первый раз оказалась в моём кабинете. Помню, она трагически рыдала на пороге кабинета и кокетливо улыбалась на выходе из него.

– Неужели это ты, Ален?

Я помедлил, прежде чем ответить, в надежде, что она отстанет от меня и решит, что ошиблась. Но нет.

– Кажется да, – нарочито неуверенным голосом отозвался я, переводя взгляд с выдавшего меня проклятого конверта на пухлые щеки этой женщины, за которыми светились зажёгшиеся огоньки её глаз. Она даже отступила на шаг, чтобы то ли рассмотреть меня получше, то ли чтобы дать мне возможность осмотреть её габариты теперь и с боку.

– Бог мой, Ален, это же я, Анна-Мари Бадин. Как ты подел!

Я конечно же вспомнил и её бракоразводный процесс, ко-

торой я вёл. И это имя, хотя в этом парусном фрегате угадать сразу прежде худенькую девушку было непросто. Она мне запомнилась, конечно, не только из-за того, что её муж, военный офицер от артиллерии, небезосновательно грозился убить нас обоих, названивая мне с десятка разных телефонных номеров. Насколько я помню, кроме незначительного аванса, который она оставила мне до того, как мы оказались вместе на диване моего кабинета, весь мой остальной гонорар по этому делу был получен в виде натуральной оплаты её хрупким телом. И по её инициативе. Видимо, так ей было проще пережить расставание с любимым мужем.

Я зачем-то встал со стула. Анна-Мари приняла это за некий порыв и, приобняв руками, придвинулась своей пышной грудью ко мне, задев при этом крепким бедром столик так, что расплескала при этом мой кофе.

– Мой страстный адвокат, – прошептала она мне на ухо. – Как же надолго ты пропал из моей жизни. Нам надо будет как-нибудь с тобой встретиться и поболтать.

Отодвинувшись от меня, она осмотрела меня с головы до ног, покачала головой, словно бы что-то вспоминала: должно быть, сравнивала меня сегодняшнего с прежним, и, возможно, пыталась через внешнее сходство уловить произошедшую разницу; дала мне возможность опуститься на стул и только тогда заметила, какой раскардаш она устроила неосторожным движением своего упитанного тела.

– Не беспокойся, – проговорил я приглушённо, показав

жестом на свой кофе, – ничего страшного.

– Ой, прости, я сейчас всё исправлю! – она всплеснула руками и побежала за стойку бара, где вновь загудел баритон бармена, напоминавший ей о том, что девчонки в углу уже заждались своего пива.

– Ничего, подождут, – слышно было мне из-за стойки бара раздражённый голос Анны-Мари. – Этот месье не просто мой знакомый, но ещё и известный адвокат. Смотри, пожалуйста ему и на тебя, так он быстро добьётся для меня ещё одного развода. Когда ещё в нашу забегаловку заходят такие люди?

Бармен не спешил отвечать на этот вопрос, но кинул косяй взгляд в мою сторону. Я же излучал показательно доброжелательную улыбку, которая вновь возникла у меня на лице с того момента, когда пышная официантка превратилась в бывшую мимолётную знакомую. Как правило, клиенты пустующих баров если и смотрят в сторону барменов, то лишь чтобы рассмотреть расположенную у них за спиной и занимающую множество полок внушительную коллекцию бутылок, играющих оттенками цветов и сияющих этикетками, будто аккуратно складированные на боевых позициях боеприпасы с бирками отличия: этот снаряд бронебойный, это фугас, а вот этот – осколочный. Но я смотрю ему прямо в глаза. Его боезапас меня не пугает, а продуть ему в мужскую игру «войны взглядов» я не собирался.

Выручил меня звонок мобильного – на дисплее возникло имя «Дамиан» – это родственник моей первой жены, Мо-

ник. С бывшими я прощался навсегда. По мне, так любовный фарш обратно не проворачивается. А вот с некоторыми из её родственников, которые разумно держали после нашего развода нейтралитет, я и дальше поддерживал нормальные отношения. Особенно, если чувствовал, что этот нейтралитет не показной, а вполне искренний. Надеюсь, я не настолько тщеславен, чтобы навязывать себя тем, кому неприятен или безразличен.

Дамиан был из числа таких вот бывших родственников. Кстати, он приходился дядей Моник, хотя был младше её на два года. Тяжёлый перехлёст корсиканских генеалогических древ.

– Привет, Дамиан.

– Привет, – его голос сразу же показался мне несколько напряжённым. – Ты где?

Вообще-то это чисто женский вопрос. Как будто от места моего нахождения зависит искренность моих ответов. Да, бывает и такое, если ты пытаешься что-то скрыть от собеседницы. Впрочем, я и в таких случаях не то чтобы обязательно лгал, но сам вопрос уже содержит в себе нотку недоверия. Это бестактно и заранее тебя унижает, и женщина, с которой ты сегодня в отношениях, должна бы это понять. Мужчинам достаточно того, что ты поднял трубку и готов вести беседу на любую тему: обсудить начальство на работе, новую удочку, прошедшую охоту на зайца, только что принятый закон, подписанный президентом. Вопрос о моём

местонахождении от любого собеседника-мужчины означает интерес ко мне только как к профессионалу. Я уже большой мальчик и живу достаточно уединённо. Настолько, что если у меня и возникают какие-то проблемы, то я о них не распространяюсь. Тем более не жду, что кто-то предложит свою помощь. Или вдруг станет выяснять, по какой причине меня где-то видели на прошлой неделе в компании с молодой блондинкой, а уже сегодня – с непозволительно молоденькой брюнеткой. Проводить свободное время я всегда предпочитал в обществе красивой женщины. В этом преимущество моего сегодняшнего положения: можно разменивать женщин как перчатки, но никто не может сказать, что я веду двойную, тройную или какую-то там по счёту жизнь.

– Застрял в парижском баре, в тринадцатом округе. Оставил машину на мойке, решил выпить пока чашечку кофе в заведении через дорогу. Ты что, решил пригласить меня поиграть?

– Это тоже, как только вернешься в Тулон. Не сбивай меня. Алэн, тебя хочет видеть один наш общий знакомый. Только не спрашивай – кто. Уточни-ка, где именно твоя автомойка.

– Хорошо, сейчас сориентируюсь, – я был не то чтобы удивлён такой просьбой. Просто мне было интересно, кто это из наших общих знакомых так «шифруется». – Здесь рядом «Монопри». Улица Жанны Д'Арк. С другой стороны улицы – площадь с её же именем. Вот и все ориентиры. Точнее не

скажу.

– Через сколько времени твоя машина будет готова?

– Ею уже занимаются, так что через полчаса, думаю, будет как раз.

– Тогда набери меня, когда соберёшься на выход. Спасибо.

С некоторых пор среди моих клиентов появились люди с весом, которые предпочитали обсуждать свои проблемы с глазу на глаз, а не в режиме телефонного общения. И такие звонки я получал регулярно. Естественно, речь идёт не о физическом «весе». Так что в половину восьмого часа вечера я сижу в баре и терпеливо гадаю, с кем именно мне предстоит встретиться. А пока наблюдаю за тем, как в пяти метрах от меня беспрестанно ржут две девицы с пивными бокалами.

Помню, как-то давно, Дамиан, с которым мы время от времени с удовольствием играем в нарды, в своё время отговаривал меня от переезда в Париж из Тулона. Да, я предпочёл-таки осесть в городе, с которого началась военная карьера Наполеона Бонапарта.

– Наши города на юге ничем не хуже столицы, Ален, – сказал он мне тогда. – Поверь мне, что сочности и смака жизни и здесь хватает. А наша кухня? А наши женщины? Они здесь колоритней, чем в Париже, да и с меньшими психологическими выкрутасами. И поверь мне, менталитет парижан – это сущее наказание. Люди с юга к нему не привыкнут, а там только и делают, что стебуются над нашим акцентом и

нашими привычками. Для парижан всё, что расположено за бульварами, обрамляющими их двадцать округов – это уже другая планета. Нет, хуже – это чёрная дыра. Там водятся лишь инопланетяне вроде нас с тобой, которых они называют в самом лучшем случае провинциалами.

Дамиан к тому моменту три года проработал в парижском филиале одной марсельской компании, так что имел об этом свою особую точку зрения. Его стойкий корсиканский акцент, от которого, в отличие от меня (ну, как мне кажется, во всяком случае моему уху, как и слуху моих знакомых, не слышный), он так и не смог избавиться, и глоттофобию³ части «рафинированных» парижан из 16-го округа и таких районов как Нёйи, Отей, Пасси я не считаю непреодолимым водоразделом для страны. Это просто как бренд для каждого из нас.

Я же тогда стыдливо бросил взгляд на свои ботинки.

Они были недавно приобретены мной в дорожном парижском обувном магазине. Неразумный поступок. Сдуру, из-за сиюминутной амбиции. Стоило мне упомянуть, что в моём Тулоне есть обувной магазин с тем же названием и что цены в нём несколько ниже, как продавец принялся пускать шпильки в адрес южан и язвить по поводу их (то есть моего!) тщеславия и хвастливости. Что он просто уверен: только в столице, и то не везде, можно купить высококачественную

---

³ Дискриминация, основанная в основном на акценте, а также на характеристиках речи, объёма словарного запаса, языковой модальности, синтаксисе.

обувь по весьма недорогой цене, и «неужели месье готов поспорить с ним, специалистом в этом деле»? Мне бы следовало набить ему морду, или, на худой случай, «повздорить со специалистом по пустякам», но вместо этого я указал ему на первую же понравившуюся пару ботинок и попросил принести мне их на примерку.

В итоге через три минуты я с гордым видом вышел из бутика с покупкой, обошедшей мне в лишние сто евро; в этом я убедился уже в Тулоне. Но с сознанием, что ещё раз убедил продавца в его правоте. Не по поводу качества и цены товара. Всему виной спесь.

Границы между глобальными Западом и Востоком как-то ещё можно очертить на глобусе, а вот между Севером и Югом они проходят внутри многих стран. Причём, вне зависимости от того, где они расположены, в каком из полушарий относительно экватора. Во всем мире северяне и южане иронизируют друг над другом. Александр Дюма-старший мог бы назвать свой известный роман «Южанин д'Артаньян и три северянина-мушкетёра», так как его главный герой-романтик был рождён и воспитан в Гаскони, а проявил всю неподдельную пылкость своего характера в более северных регионах.

– Парижане не могут поставить на один постамент Наполеона и де Голля. И сравнивать их между собой. Да, у них мало общего. Говорят, даже в росте разница была бы сантиметров тридцать – это же хватит для приличной тумбочки?

Невысокий – с нашей Корсики, но перебравшийся в Париж и поставивший на колени пол-Европы, второй – типичный парижанин с громадным шинобелем, заставивший не только Францию, но и пол-Европы вновь признать эту страну одной из великих, несмотря на наше быстрое поражение в начале войны, – убеждал меня обладатель приличного паяльника над верхней губой и с ростом, едва выше самого высокорослого пингвина. – «О, север есть север, юг есть юг и с мест они не сойдут!», как говорил наш сказочник Шарль Перро.

Мне вспомнилась где-то виданная мною гравюра начала XIX века, очевидно изготовленная французским мастером под стиль острых английских анти-наполеоновских карикатур с центральной надписью: «Корсиканское копыто полностью раздавлено». Эта работа просто полна ненавистью к уничижительно изображённому корсиканцу, который очень хотел стать не только императором для всех французов, но и просто французом, но так и не стал им. Ему удалось стать императором для всего мира, но не французом для Франции. Поверженные герои, даже не вполне положительные, быстро становятся мишенью карикатуристов после своего падения. А тот безвестный художник явно был бы принят в «Шарли Эбдо» без каких-либо рекомендаций. Ему достаточно было бы предъявить редакции журнала эту работу.

С литературными познаниями у родственника Моник была точно беда:

– Дамиан, это был британский сказочник Редьярд Киплинг. И речь там шла о западе и востоке.

– Да? Вот весь кайф обломал, а мне так хотелось поумничать! Ну, может быть. Не важно. Но как смачно сказано! Аллен, а наш буйабес? Разве его можно сравнить с теми помятыми, что там готовят? Уж поверь мне, ничего в этой жизни не меняется столетиями.

Помню, я тогда сказал ему:

– Может быть, я и не перееду в Париж. Я ещё не решил. Но если за год пребывания в Париже я не найду там ни одного заведения с достойным буйабесом и ни одной шикарной тёлки – я тут же вернусь. И потом, ты же знаешь – я просто хочу лишний раз не мельтешить перед глазами Моник. Как она поживает, захаживает к вам?

Нас с Моник свёл случай. Точнее шесть случайных встреч. Ты знакомишься с девушкой в дороге. Из-за непогоды вы проводите вместе целый день (отложенные рейсы, ожидание в аэропорту пересадки, длинный переезд в поезде через половину страны). Потом вы случайно сталкиваетесь в городе, и каждая из таких встреч заканчивается без какого-либо намёка на продолжение. Вы не обмениваетесь номерами телефонов, не назначаете новых встреч. Но шесть раз подряд за два месяца сталкиваетесь вновь и вновь.

Случай как повод для любви или любовной связи. На эту тему можно написать целую диссертацию. Сплошь и рядом он сводил меня с разными женщинами. Из них очень немно-

гих я назвал бы полным совершенством, другие были с некоторыми недочётами, были и те, которые состояли из сплошных изъянов. Моник была в моих глазах единственным совершенством очень долго. «Любовь живёт пятнадцать лет». Так что я не согласен с Марком Марронье⁴.

– Хочешь сказать, что тебе всё равно? Не води меня за нос.

– Мне всё равно, но я решил спросить.

– Как всегда. Снаружи спокойная и рассудительная, внутри – растерянная и в бешенстве. Не хочешь ей позвонить?

– О, нет! Все наши сражения уже давно позади, и мосты сожжены. Брошенная корсиканка! Ты же не будешь спорить со мной, что своим уходом я обрёк себя на вечную ненависть с её стороны, так что иного выбора у меня нет. Даже если она когда-то сама окажется в Париже, то там, по крайней мере, больше народу, так что мне проще будет затеряться, чем в Тулоне.

– Ничего умнее придумать не смог, чтобы оправдать свой побег? А то, что ты не будешь видеть своих детей? – спросил у меня отец трёх бегающих вокруг нас маленьких погодок-девчонок.

– Это самый тяжёлый вопрос. Но они уже не младенцы. А я надеюсь прожить какое-то время и ещё совершить кучу

---

⁴ «Любовь живёт три года» – роман Фредерика Бегбедера. Марк Марронье – главный герой романа, журналист, который уверен, что любовь живёт три года: сначала люди страстно любят друг друга, потом нежно и по-дружески, а потом им становится скучно.

ошибок. Может оно будет и к лучшему, если эти ошибки я буду делать не на их глазах.

Думаю, в тот день я почти не врал Дамиану. И нелегко переживал свою оторванность от детей, в которой сам был виноват. Хотя все мы так и жили в одном городе. Я, моя бывшая и двое наших детей. Да и ошибок за это время наделал немало. Мне кажется, что и до сих пор не перестал их совершать; и жил всё это время в своё удовольствие. Я даже домашних животных потому никогда не заводил, что никогда не сидел на одном месте – благо, моя профессия к этому так располагала. Аквариумные рыбки в моём рабочем кабинете не в счёт. Я никак не мог достичь термодинамического равновесия, при котором макроскопические параметры существования моей системы оставались неизменными, флуктуируя относительно равновесного значения. Теперь я и сам сумничал. Как Дамиан тогда. Он хороший парень. Когда не подбухивает. Короче говоря, из меня не вышел хороший отец.

Тем не менее, прошло не так уж и много времени, когда до меня дошёл смысл поучений Дамиана: столица, когда я попал сюда, чем-то напоминала мне этикие каменные джунгли. А, как известно, только двуногий хищник чувствует себя в своей тарелке в такой среде. Бродячих псов, крыс и тараканов я в расчёт не беру – они и так приспособятся к любым условиям жизни.

Париж полон самой разнообразной и аппетитной дичью,

так что возможности для охоты здесь масса. Надо только самому вовремя уворачиваться от крупных хищников, и не забывать время от времени пускать в ход собственные клыки и когти. Только тогда в этих джунглях ты сможешь выжить. И не будешь представлять из себя лёгкую добычу для окружающих. По крайней мере, многие из них забудут о тебе, пока ты явно не захромаешь хотя бы на одну лапу. Джунгли особенно ярко проявляли свои сочные краски и ароматы в столличных кабинетах.

Но со стороны Париж волнителен и прекрасен! Вовсе не обязательно, что именно здесь ты наткнешься на своего хищника – но помнить о такой возможности никогда и никому не мешает. Но это по молодости лет я грезил Парижем, а теперь-то уж нет. Сейчас для меня нет на земле места лучше, чем наше средиземноморье.

Анна-Мари вернулась к моему столику, быстро навела на нём порядок и проворковала с нескрываемым вниманием к моей особе:

– Извини меня, но я так расчувствовалась. И как это я не заметила, когда ты вошёл? Может вместо кофе тебе принести что-нибудь покрепче? Хотя бы пиво? – распутивший паруса фрегат так желал и во мне разбудить ответные чувства. Я-то знаю точно, на что она намекает. Потому что ещё помню, что она проделывала тогда, десять лет назад.

– Нет, спасибо, – изображаю любезную улыбку. – Я сегодня сам себе водитель, и мне ещё долго сидеть за рулём.

Зря я ей улыбнулся. Вместе с новой чашкой кофе я получил от неё и сказанное шёпотом признание:

– Я после наших встреч ещё несколько месяцев просыпалась с мыслью, что ты со мной рядом. Вот прямо сейчас я чувствую такое...

Шаблонность этих реплик меня не смутила. И как ни крути, но всё же она нашла вполне подходящие случаю слова, и, хотя её лексический запас всегда был невелик, но в данный момент это было не так уж и важно: от её нехрупкой фигуры исходил неподдельный жар, что было одинаково и понятно (при таком-то весе), и даже как-то приятно.

Я помнил, что у неё и десять лет назад были странные сексуальные желания. А такие комплексы от изменения весовой категории не меняются. Хотя, когда она пришла ко мне впервые в контору, то изображала поначалу этакую скромницу. А потом я понял, что это не она со мной, а я с ней расплачиваюсь за её безудержные понятия о разнообразии и новизне в сексе.

С тех пор прошло достаточно времени, чтобы я смог уяснить: нас привлекают в женщинах в том числе и их недостатки, однако мы ошибочно считаем, что можем их исправить. Женщины же поначалу делают вид, что ничего в нас исправлять не желают. Что им достаточно того, что с нами будет не скучно и тогда они признают нас годными к употреблению.

Улыбку для Анны-Мари пришлось повторить – не ждатель же было на улице, пока мне выведут под уздцы мою вымы-

тую лошадку. За окном было бы совсем темно, если бы не освещение фонарей и витрин. Мне было видно, как ветер тихо раскачивает ветви деревьев, стряхивая с них капли откуда-то взявшегося дождя. Нет уж, я лучше пережду непогоду в компании с чашечкой кофе и разгорячившейся от воспоминаний Анны-Мари. Картинки десятилетней давности в моём мозгу не вызывали у меня мгновенной эрекции. Сейчас меня на самом деле ничего не беспокоило.

А зря.

В это же время.

Кабинет главы Марсельского сектора DGSI – Дирекции внутренней безопасности МВД. Мужчина с широким лбом и узким носом, не произнеся ни слова, кивком указал вошедшему в его кабинет на стул. Его руки с толстыми пальцами лежали на столе; тщательно выбритые щёки блестели не хуже поверхности его рабочего стола.

– Он в Париже, – сказал хозяин кабинета Анри Гардер, когда префект полиции департамента Буш-дю-Рон, Фернан Юто, опустился на стул. – Вы должны быть готовы задержать его в любую минуту.

– Где задержать, в Париже? – спросил ошарашенный таким поворотом дела Юто. – Ты уверен, что такие меры необходимы?

– Нет, зачем же. Он так или иначе вернётся на Корсику или в Марсель. И да, в нашей Дирекции воспитывают так, что мы не делаем необдуманных телодвижений. Определённо могу сказать: большая часть картины стала ясна на следующий день после его вылета на Сейшелы, иначе бы он уже был за решёткой.

– Есть ещё трупы? Сколько их?

– Все ещё не ясно. Но их больше, чем мы могли предположить. Длинный список потенциальных жертв.

– Потенциальных?

– Жертвы реальные. Потенциальны они в качестве их привязки к Лугарини. Я мог бы их всех перечислить, но часть из этого списка пока, но не на долго, к депутату привязана предположительно.

– Русские?

– Официально большая часть из них французы. Но не только.

– А неофициально?

– Думается, ты торопишься.

– Может будет всё-таки лучше задержать его там, в Париже, чем здесь?

Особенность DGSI в том, что эта Дирекция является одновременно службой контрразведки и специализированной службой судебной полиции. Обладание исключительной компетенцией по защите основных интересов нации даёт ему возможность проводить особые расследования. Да, под контролем органов юстиции и в соответствии с Уголовным кодексом. Но это настолько условно. Дирекция отвечает за борьбу с терроризмом и эта сфера совместной компетенции с судебной полицией. Специфика двойной судебной и контрразведывательной роли DGSI является реальной силой для преодоления сложности процедур и расследований. Вмешательство его сотрудников во время следствия практически ничем не ограничена, а вот реальная роль отображается документально крайне редко. Подчиняется напрямую прези-

денту Республики и выборочно – правительственным органам.

Префект понимал, что ему остаётся только сдаться: принимать решения будет Гардер, ему же уготована роль подручного. В лучшем случае.

– Думаю, что вряд ли он проведёт там много времени. А вот Марсель и остров – это его сеньории. Но на Корсике тяжелее затеряться в толпе, а это сейчас то, к чему он будет стремиться. Он сейчас даже не призвал к себе охрану. В Марселе же он будет тешить себя надеждой, что находится в большей безопасности. Вернее, будет считать, что здесь у него будет больше путей для отступления.

– Как всё это будет выглядеть? Я всё-таки изредка общался с Лугарини..., – попытался робко возражать префект полиции. Это даже не неловкость, это полное отсутствие такта – заставлять его службистам задерживать Лугарини. Хотя, о чём это он – такт полицейских?

Гардер пристально посмотрел на него. Разлил кофе в две чашки и передвинул одну из них по полированной глади стола Юто. Пронизывающий взгляд офицера Дирекции давил на префекта. До этого, строго в соответствии с басней Лафонтена, люди в своем большинстве представлялись ему овечками. Он же, Юто, чувствовал себя волком. С этого дня всё резко изменилось. Что-то пошло не так.

– Фернан, ты исчерпал свои вопросы? – ни вопрос, ни холодный взгляд Гардера не предвещали ничего хорошего.

У префекта возникло чувство нервного напряжения где-то глубоко под рёбрами. – Давай обойдёмся без телячьих нежностей. Так всем будет проще. И тебе в особенности. Будем брать его здесь. Помнишь, как несколько лет тому назад, ещё до того, как ты занял свой пост префекта и был лишь одним из нескольких марсельских комиссаров, я предостерегал тебя от связей с Сандро Лугарини? Тогда ты, верно, подумал, что это «развод» с моей стороны. А я просто из чисто товарищеских побуждений пытался оградить тебя от неприятностей. Что ты мне тогда ответил? «Мне его представили такие уважаемые люди!»

– Так оно и было. И потом, меня никто не мог видеть с ним в одной компании, ... скажем на отдыхе.

– Не считая официальных приёмов в мэрии Марсея, светских раутах городских и департаментских чинуш и твоего кабинета в комиссариате. Это пока ты был всего лишь комиссаром. Хорошо ещё, что вы не встречались в здании префектуры. Ты стал более осмотрительным. Думаешь, нам об этом не известно?

Префект ходил на такие мероприятия только из необходимости и по той причине, что именно там могла представиться возможность переброситься несколькими нужными словами с нужными людьми в неофициальной обстановке. Всё остальное время ему приходилось делать вид для окружающих, что ему не до смерти скучно.

– Я ходил туда по официальным приглашениям... У меня

он был несколько раз, но...

– Но – что? Давай прекратим этот бесполезный разговор, иначе он плохо закончится. Для тебя. К примеру, стоит ли мне ворошить такой вопрос: как это получилось, что префектом полиции Марселя стал один из его бывших окружных комиссаров? Практика назначений обычно совершенно иная: на это место всегда присылали людей из других регионов. Что скажешь, префект? – поджал губы Гардер, всем видом показывая, что ему известно, что в назначении на эту должность Юто не обошлось без вмешательства депутата-корсиканца. – Все мы люди, можем ошибаться. И часто прислушиваемся к советам и просьбам людей, которых считаем близкими себе. Которым мы чем-то считаем обязанными. Я действительно так думаю. Без учёта мнения Лугарини здесь и пальцем никто не может пошевелить. Только он может отстоять своё мнение по любому вопросу или хотя бы выторговать лучшие условия при отступлении. Если он, разумеется, всё же захочет отступить. Все нуждаются в его политических связях. Но если не уповать на волю случая, то легко выяснить, что за подписью твоих помощников и помощников комиссаров других округов Марселя отписаны пару десятков документов, по которым прекращены уголовные дела в отношении людей Лугарини.

Он этого боялся. Боялся, что это может вылезти наружу. Юто действительно двумя своими последними продвижениями по службе был обязан Лугарини. И не только потому,

что в качестве комиссара сумел провести несколько довольно эффективных полицейских операций благодаря его информации. В первую очередь сыграли свою роль связи депутата. Конечно, при этом Сандро всегда преследовал свою цель: он удачно подставил своих врагов и получил неплохую палочку-выручалочку в лице Юто. Но и последний не оставался в накладе.

– Они почти все продублированы визами прокуратуры или трибунала, – отбивался как мог Юто.

Гардер откинулся на спинку кресла.

– С этими я уже пообщался. Они все раскаялись, почему-то вспомнили в связи с этим и о тебе, и обещали больше не вилять своими хвостами перед депутатом Лугарини. Об этом я могу сказать тебе со всей уверенностью. Я уже подготовил отчёт для своего руководства и указываю в нём на факты, которые дают очень, очень чёткую картину. Попадая в определённые ситуации и по определённым причинам каждый из них дал слабину. Мотивы, которыми они руководствовались, прозрачны как слеза. Так что определённо полетят чьи-то головы. Всё что мне надо от тебя – это действовать по моим указаниям, без возражений и не задавать лишних вопросов. Если у тебя всё же они имеются, то озвучь их мне до того, как ты переступишь порог моего кабинета.

– Выбора у меня нет?

– Это тебе решать. Скажу лишь, что просить тебя не предупреждать ни о чём Лугарини я не буду по двум причинам.

– По каким? – Юто пытался различить в этом предложении лучик надежды.

– Первая: у меня лично нет в планах ставить крест на твоей карьере. Пока нет. Я уже говорил – мы все не без греха. Твои грехи велики, но по-человечески понятны. К тому же, не забывай, что отчёты по делу Лугарини направляются в Леваллуа-Перре⁵ только за моей подписью. То есть факты и выводы в них излагаю я лично. Я прозрачно тебе намекнул?

– Вполне.

– А кроме того есть и вторая причина.

– И вторая?

– Вторая: судьба Лугарини определена не мной и даже не в нашей Дирекции. Политическое решение принято в Париже. Говоря о решении как о политическом, я имею в виду, что в министерстве юстиции и в нашем министерстве его вопрос уже предрешён. Кто-то принял решение очистить немного зарвавшуюся ассамблею Корсики от ненужных элементов. Откуда тянется эта хренова длань божья, которая в итоге покарает депутата нашими руками – мне не интересно. Так что твоя карьера и твоя личная свобода... Да-да, и свобода, мой дорогой префект, во многом будет зависеть от твоего поведения и содержащейся информации в отчётах моего сектора и за моей подписью, – Гардер делал особое ударение на местоимениях «моего, моей». – Я могу попридержать кое-ка-

---

⁵ Место расположения штаб-квартиры DGSI – Дирекции внутренней безопасности МВД Франции.

кие факты при себе. Тебе надо время для принятия решения – на чьей ты стороне?

– В этом нет необходимости. Я готов..., и буду только благодарен тебе за всё, что ты придержишь, – облегчённо выдохнул Юто. – Нельзя ли как-нибудь поменять территориально...

– Уже нет. Покушение на Нестора произошло на твоей территории, а Лугарини имеет к нему самое прямое отношение.

– Что навело тебя на мысль, что это сделал он? Насколько я знаю, Лугарини в это время не было в Марселе. Есть прямые доказательства, что он совершал убийства?

– Будут, – сверкнув глазами, Гардер быстро овладел собой и в прежней покровительственной манере продолжил. – За это не переживай. Но я понял твой намёк и попробую уговорить своего шефа, чтобы в дальнейшем при первой же возможности дело передали куда-нибудь ещё. Будут ещё трупы и раскрытые преступления в других регионах. Это будет сделано руками прокуроров или следственной камеры.

– Ты обещаешь мне это?

– Не переходи границ, Фернан. Исходя из полученных нами предварительных сведений, можно сделать вывод, что выгодоприобретателем после ряда нераскрытых убийств стал именно Лугарини. Да, не всегда это было явно. Он готовился тщательно, удивительно хорошо планировал и подготавливал почву, просчитывая все ходы в отношении потен-

циальных наследников, если таковые были. – Гардер закурил и выпустил в воздух клуб густого дыма. – Твой Лугарини – волк, хладнокровный и безжалостный. Кроме того, могу сказать, что за ним тянется дальний шлейф уже лет двадцать как минимум. Я бы сказал, ото всех дел, которые нам всем придётся разгребать, просто воняет заинтересованностью Сандро Лугарини.

– Но ты же не хочешь сказать, что он сам убивал всё это время? Этого не может быть.

– У меня есть информация, что он получил возможность делать всё что ему нужно более опытными в этом отношении руками. Воспользовавшись удобным случаем прикормил кое-кого, после чего его личного участия в таких операциях – с убийствами и насилием – более не требовалось. И поверь мне: это больше, чем подозрение, – со значением сказал Гардер, пытаясь преодолеть скепсис, проступавший в голосе префекта. – Недавно мы получили сообщение от нашего агента, которое требует проверки. Но даже это уже не важно. Ты меня понимаешь?

Юто согласно кивнул.

– Это, конечно же, не моё дело, но почему им начали заниматься именно вы? Что такого особенного вокруг него происходит, что им занимается контрразведка?

Гардер затушил сигарету в пепельнице, скомкав её, чтобы не дымила.

– Мы ведём Лугарини уже больше пятнадцати лет. Даже

намёк на то, что я рассказал кому-то о том, что наша служба нарыла на Лугарини, может стоить мне больших неприятностей. Гриф «секретности» никто не отменял, а часть той информации, что имеется в моём секторе, пока ещё не передана в память «Кристины»⁶. Я же сказал тебе, что это вопрос политический. Мы же с тобой простые исполнители. И, между прочим, коллеги. У нас в стране политики вроде меняются часто, а вот исполнители среднего звена на местах – куда реже. Потому что все нуждаются в настоящих профессионалах. Что же касается твоей просьбы придержать информацию, то я скажу просто: я всегда проявляю милосердие и предпочитаю защитить источник, который мне предоставил информацию, если он явно следует всем моим указаниям. Когда дело связано с нашим ведомством, такие предосторожности иногда просто необходимы, префект. Ты понимаешь меня?

– Я принимаю все твои условия, – покорно согласился Юто, хотя ему это давалось очень нелегко. – Всё что от меня зависит – я сделаю. Только тогда помоги и мне информацией, которой сможешь делиться, чтобы мы не топтались на месте. Раз нам нужно доказать, что это дело рук Лугарини. Что ты собираешься предпринять?

– У тебя будет не вся информация, но кое-чем я поделюсь.

---

⁶ «Кристина» – CRISTINA «Centralisation du renseignement intérieur pour la sécurité du territoire et des intérêts nationaux» (фр.) – «Централизация внутренней разведки для безопасности территории и национальных интересов» – база данных Французской Республики, касающееся терроризма, шпионажа и всего, что связано с «интересами нации» в широком смысле этого слова.

Я тебя прекрасно понимаю. Тебе надо выстроить вокруг себя стену официальности, отгородиться от самого Лугарини.

– Что ты имеешь в виду?

– Чем быстрее ты дашь понять Лугарини, что у тебя на руках есть конкретные доказательства его вины, тем быстрее он поймёт, что помощи от префекта не дожждётся не потому, что ты не хотел бы её предоставить, а потому что ты уже не в состоянии остановить жернова государственной машины. Так, как ты делал это раньше, когда в этом была необходимость: через прессу, телевидение. Всё, ты потерял контроль над ситуацией и умываешь руки. Это же проще простого, – улыбнулся глава Марсельского сектора.

«Чем дальше, тем жёстче он на меня давит. Он знает обо мне и Сандро много, слишком много», – подумал про себя префект. Он не мог придумать, что возразить. К тому же просто боялся сопротивляться. Реакция могла быть жестокой.

– Для начала тебе надо будет контролировать его местонахождение, как только он появится здесь, на юге, и не упустить, не дать возможности скрыться. Мы тоже будем его вести, но у нас маловато людей и слишком много других дел, чтобы заниматься исключительно Лугарини. К тому же, я полагаю, у нашего ведомства нет намерений вмешиваться в работу судебной полиции официально. Только чисто технически. Чтобы это невозможно было расценивать кому-нибудь как вмешательство в ходе самого обычного уголовного рас-

следования. Ты уверен, что справишься с этим? Вокруг него крутится слишком много людей, и у него просто клубок разных связей. Мы не можем позволить себе скандала и провала. По крайней мере не сейчас, когда у нас на руках это горячее покушение на русского.

– Покушение на Нестора было неплохо спланировано, хотя мне непонятно, почему не было доведено до конца. Частично этому помешала случайная свидетельница, но не думаю, что исполнителей это могло остановить. Если ты дашь мне «добро» на охоту за Лугарини, то можешь не сомневаться, что получишь быстрые результаты. Лишь бы исполнители покушения оказались податливыми.

– Я помогу тебе в этом. Твоя задача – не допускать к задерживаемым по этому делу карманных адвокатов Лугарини. Ты знаешь, что для этого делать. И нам понадобится много народа, но толкового и не болтливое. Семейка корсиканца и его круг зависимых очень велик, так что мы точно не будем спотыкаться друг о друга. Кроме того, я запущу в ваши комиссариаты несколько человек из своего сектора, а ты дашь указание своим парням дать моим парням возможность близко пообщаться с каждым из задержанных. Они ребята толковые, помогут быстрее развязать языки несговорчивым негодьям. И не так стеснительны, как иногда бывают твои профессионалы. К тому же, никаких бумаг при этом о присутствии моих специалистов при этих «беседах» заполнять не надо – зачем нам лишние процессуальные неуряди-

цы? Это понятно?

– Понятно. Ваши люди будут на этих беседах незримо.

– Вот и отлично! Хорошо, что мы с тобой понимаем друг друга без лишних слов. Иногда эти беседы будут проходить и без присутствия твоих людей. Когда задержанные начнут «добровольно» давать показания – вы этот материал оформите своими руками, чтобы получить все лавровые венки и награды, которые будут положены по этому делу.

– У нас давно уже не было подобных дел. С подозреваемыми подобного ранга.

– А когда и были, вы имели обыкновение их заваливать. Не хочу тебя учить, но чем меньше людей будет знать о предстоящем задержании Лугарини и чем позже, тем лучше не только для меня. Сколько времени тебе понадобится на подготовку людей для задержания?

У префекта не шевельнулась ни одна мышца на лице, когда он выслушивал беззастенчивые оценки Гардера о работе марсельской полиции под его руководством и квинтэссенцию навязываемой им помощи. Однако прямое указание на то, что сотрудники параллельного ведомства займутся физической и психологической обработкой задержанных особого восторга у Юто не вызвало. И не потому, что в комиссариатах Марселя не использовали давление при получении показаний. Однако по документам именно сотрудники комиссариатов будут нести ответственность за жизнь и здоровье «негодяев», а это значит, что люди из марсельского

сектора Дирекции полицейской контрразведки особо с ними церемониться не будут. Скрывать, просить дежуривших врачей замазывать на лицах и телах следы от «бесед», десятков раз переписывать протоколы задержания, место, время, оформлять постоянные переводы и перетасовку задержанных, пользуясь услугами сговорчивых партнёров межрегионального управления исправительной службы Марселя, коих под рукой было аж шестнадцать в подведомственных регионах Прованс-Альпы-Лазурный берег и Корсика – вся эта грязная работёнка будет возложена на его плечи.

– Три часа.

– Я предупрежу тебя за четыре часа.

– Понятно, но я бы хотел знать, кого именно ты собираешься задействовать в этом деле, – поинтересовался префект.

– Я подключу к тебе Фрайса и его бригаду.

– Гастона Фрайса? Мне кажется, что это будет не совсем... правильно. Ведь уже года полтора назад журналисты написали скандальную статью о его бригаде и их методах работы.

Гардер пожал плечами:

– Это одно из моих условий, а корректировать их я не собираюсь! Да, это был скандал, но бездоказательный. Такого рода обстоятельства никогда не являлись препятствием к исполнению своего долга для Фрайса. Тогда они излишне... наследили, но система их вытащила. К тому же, это только будет на руку нам. Если будут жалобщики, которые смогут

назвать имена Фрайса или его ребят, то в суде у нас..., нет у вас, при возможных допросах, будет классная отмазка – подсудимые вводят всех в заблуждение и приплели участие Фрайса и его бригады в расследовании, узнав о той самой статье в прессе, или из интернета. Впрочем, у меня есть еще одна причина, чтобы привлечь к этой операции Фрайса, но я о ней скажу тебе немного позже. Но до этого ещё так далеко, не забегай вперёд!

– Будет какая-то реальная помощь от вас?

– Я лично начинал операцию с внедрения своего человека в круг людей, приближенных к Лугарини. Задолго до недавних событий в районе бульвара Мишель, где чуть не грохнули Нестора. Это была многоходовая операция. Мне сверху сказали: «Подготовь почву на всякий случай», и случай представился. Через несколько лет. Теперь у меня есть свой источник у Лугарини. Он знает далеко не всё, но, если на Корсике есть хоть малейший шорох, ему легче будет определить, получится ли из этого большой шум.

– И твой источник знал о том, что должно было произойти с русским?

– Нет. Безусловно нет. Если бы источник поставил меня об этом в известность, я бы всем составом сектора глаз не спускал с Лугарини и его людей. Даже рискуя подставить источник. Ведь тогда Лугарини был бы у меня в руках, а сейчас мы зависим от показаний его окружения. Нам с тобой нет прощения перед всевышним, Фернан, но отсутствие пря-

МЫХ улик мы перекрываем собственной уверенностью и слабостью остальных.

– Так, значит, сейчас ты в себе уверен, – сказал префект, – настолько, что утверждаешь, что сможешь связать смерть русского водителя и покушение на Нестора с Лугарини?

– Связать? Да эти двое друг друга на дух не переносят! Дело не только в этом русском. Надо просто связать некоторые обстоятельства воедино. И уж если депутата Лугарини хотят смешать с дерьмом, то мы с тобой это сделаем. Но только с гарантией и так, чтобы его связи не доставили всем нам неприятных сюрпризов. А я не люблю сюрпризов, особенно на работе. По моему жизненному опыту, сюрпризы не оправдывают возлагаемых на них надежд и редко оказываются богоугодными, когда их устраивают не очень-то благочестивые людишки.

– Я не уверен, что всё пройдет без осложнений.

– Поэтому ты здесь, в моём кабинете, – утвердительно кивнул Гардер. – Чтобы я мог дать тебе пинка и убедить, что все вокруг уже сложили крепкий круг с капканом, куда и влезет Лугарини. Да, у него широкий круг влиятельных друзей. Но все возможные осложнения уже позади. Он уже не сможет жить так как раньше. Всем вокруг него прищепили яйца, – Юто при этих словах поёжился и расставил колени пошире. – Мне плевать на этого Нестора и его водителя. Если раньше мне все возражали, что Лугарини способен участвовать в битве за большие деньги, но никогда не встанет на

тропу войны через убийства – пусть даже этих двоих русских марсельцев – то теперь от него все открестились и стараются хотя бы вслух упоминать его имя как можно реже.

– Ты хочешь сказать, что он и раньше это делал?

– Да сам подумай! Нет, сам он никогда не зарывался и доказательств лично против него у нас не было. Ты знаешь, кем он был лет в двадцать? Сын владельцев небольшой закуской в корсиканской глуши.

– Да, но его дядя – Луи Санти...

– Да, вот именно, его знаменитый на весь остров дядюшка Луи Санти! Местный мафиози, к которому стекались денежные потоки с самой Корсики, отсюда и не только. Держатель общака, которого убивают вместе с его женой, но оставляют в живых их сыновей. Но Луи Санти – уже легенда.

– Насколько я знаю, то, что сыновья Санти остались в живых – это случайность.

– Это не важно. Убившие Санти люди явно охотились за «кассой». А после трагедии его племянник Сандро Лугарини пользуется ситуацией, берёт под свою опеку двоих мальчишек Санти, своих младших кузенов, разворачивает вновь бизнес покойного дядюшки и с тех пор авторитет Сандро на Корсике ничем не уступает положению самого Луи Санти. Думаю, что в Марселе Лугарини окопался так основательно тоже за счёт того самого общака. Тебя это ни на какие мысли не наводит?

– Есть основания предполагать, что он и своего дядю...?

– Здесь патовая ситуация. Одни догадки и, как мы часто говорим: «недостаток улик в любой из версий». В доме в ночь убийства были только до сих пор неустановленные лица и члены семьи Санти. По крайней мере такие показания давали оба сына Луи Санти, а других свидетелей просто не нашлось. Это действительно всё, что нам известно до сих пор. Честно говоря, меня мало волнует и смерть Санти, и судьба тех, кто побывал тогда в его доме. Спустя столько лет, с учётом их рода занятий, вряд ли они ещё живы. Но моё руководство интересуется причина финансового взлёта Лугарини. А некоторых корсиканцев, да и не только их – куда делась «касса», которую доверили его дяде.

– Он всегда был очень деятелен, – немного успокоившись заметил префект.

– Ты веришь в бога?

– Смотря как у меня идут дела. Чаще я вспоминаю о нём, когда у меня не всё в порядке. Но при чём здесь это?

– Только Иисус мог насытить такое множество народа столь небольшим количеством пищи, которое указано в налоговых декларациях Лугарини и держать столько лет этот народ при себе. Для начала он преломил чьи-то хлеба. Вот скажи мне, ты знаешь сколько стоят сапожки, которые приобрела перед самым вылетом на Сейшелы супруга Лугарини?

– Нет.

– Ровно половину от твоей месячной зарплаты!

Префект в душе с ним не согласился, потому что знал, что разница между половиной его зарплаты и ценой на эти сапоги была около пятисот евро. Причём в меньшую сторону. Но он решил не акцентировать на этом внимание собеседника. Потому что его собственная жена приобретала ту же модель высоких сапог, из лосиной замши, только другого цвета, в тот же день, в том же бутике вместе со своей знакомой Эммой. Женой Лугарини. Жёны виделись друг с другом чаще, и не маскировали своё знакомство от окружающих так тщательно, как их супруги.

– Каждый живёт по своим средствам. Неужели кто-то сомневается, что жена Лугарини может позволить себе шикарную обувь? Почему ты завёл об этом речь?

– Система пришла в движение. Чтобы ты не сомневался в серьёзности сложившейся ситуации для Лугарини, я покажу тебе лишь один документ, так сказать, из независимого источника, – Гардер достал из ящика стола и передал префекту папку. Юто открыл папку и обнаружил в ней судебное постановление на двух страницах, разрешающее сотрудникам Марсельского сектора DGSI осуществлять негласное прослушивание телефонов депутата. Подписанное судьёй апелляционного суда в Экс-ан-Провансе. Через пару минут, дочитав документ от начала и до парафа судьи, он поднял глаза на Гардера. И Гардер, и Юто достаточно долго работали в полицейских ведомствах, чтобы оценить не только его буквальное содержание, но и его контекст.

Что действительно означал этот документ? Такое разрешение в отношении депутата Корсики означало, что маховик запущен на всю катушку. А тот факт, что судебный акт был подписан судьей апелляционного суда, а не марсельского суда первой инстанции, говорил о намерениях судебной системы намного больше, чем сам документ. Это означало, что МВД не доверяло всем марсельским судьям и потому не обратилось ни к одному из них за разрешением на прослушку. Просто, чтобы информацию об этом раньше времени не слили Лугарини. Хотя Юто не сомневался, что и там у корсиканского депутата были какие-то связи. Видно, они не сработали.

– Суды же в нашей республике независимы? – издевательски задал вопрос Гардер. – Значит это постановление суда – независимый источник информации для тебя, верно? Как видишь, ещё месяц назад нам выдали судебное разрешение на прослушивание телефонных переговоров Лугарини, его жены и ещё ряда фигурантов. Иначе откуда бы я знал цену этих чёртовых сапог? Нет, мы и до того периодически пытались слушать его самого, но неофициально.

«Кажется, я с Сандро не связывался по телефону уже несколько месяцев, – напряжённо вспоминал префект. – Интересно, а сколько раз моя благоверная названивала за этот месяц Эмме Лугарини, и о чём таком они могли говорить между собой? Хотя она у меня не полная дура, а я сотни раз её просил быть осторожной! А Гардер – умный оперативник.

И точно не дурак, психолог в мундире. Он совсем не случайно дал мне в руки это постановление, а именно для того, чтобы я точно понял, что весь этот разговор – не блеф».

– Так, где, ты говоришь, сейчас Лугарини? – спросил Юто, не выказывая на лице излишней нервозности от обволакивающего его мозг страха, но невольно поджимая пальцы ног. Каким бы спокойным он ни выглядел, на самом деле префект уже устал сопротивляться во время этого разговора.

«Неужели он добрался также как до меня, до каждого из тех, кто может помочь Лугарини или хотя бы предупредить его о непосредственной опасности быть задержанным и посаженным за решётку несмотря на свой депутатский статус? Бедная Эмма, остаться без мужа в свои тридцать с чем-то лет, с тремя детьми... Ничего не скажу пока своей Жаклин», – продолжал лихорадочно думать Юто.

– Прилетел в Париж, сейчас на такси едет к автомойке в 13 округе.

– Зачем ему понадобилась автомойка?

– Собирается незаметно попасть на юг вместе с одним адвокатом. Там домывают белый «шевроле» мэтра Тавернье, который ещё ни о чём не догадывается. Ты же знаешь этого Алена Тавернье?

– Слышал, что он часто работает на Лугарини и его людей, но никогда его не видел. Он же с Тулона?

– Да. Алэн Тавернье тоже может стать для всех нас интересным и полезным персонажем, но это уже далее по ходу

пьесы, – Гардер скривил губы в акульей улыбке, которая не сулила ничего хорошего адвокату. – Ты с нами в одной лодке, Фернан, так что тебя не забудут, когда дело будет сделано. Или забудут, если для тебя это будет на тот момент лучшим вариантом.

– Мне жаль, если ты изначально мог предположить...

На губах Гардера заиграла лёгкая улыбочка. Как у учителя, получавшего истинное удовольствие от того, что он застал ученика не из своего класса за каким-то весьма непристойным поступком и теперь обретавшего власть над этим учеником и его преподавателем, проглядевшим порочные наклонности своего ученика. Он отрицательно покачал головой, сложил перед собой руки и молча уставился на префекта. Он молчал почти минуту:

– Не надо, Фернан, не стоит. Я вижу, что ты меня прекрасно понял. Информация и положение «сверху». Это те фишки, которые помогают оставаться на плаву в любой структуре. Так что это двойное удовольствие. Прости, но сегодня я «сверху». И ты у меня в кармане.

«Интересно, в каком именно: в левом или в правом? И когда он перестанет меня прессовать? Так хочется свалить отсюда!» – мучился префект Юто. – «Сандро влип в дерьмо, и если его никто не поддержит, то он – живой труп. Лугарини следует дотянуться до Дворца правосудия⁷ в Париже. У него

---

⁷ Здание, где располагается Кассационный суд – один из четырёх судов последней инстанции Республики Франция. Обладает юрисдикцией по всем граждан-

и там есть контакты. Только они могут рискнуть и вытянуть дело в отношении депутата хотя бы в долгосрочное многолетнее варьете. Без содержания под стражей, с длительными затяжными слушаниями, частоколом обжалований. Судейские это умеют лучше нас, полицейских: замусолить, замылить, отстирать».

Если бы кто-то из юристов, особенно практикующих именно уголовные дела, мог прочесть мысли Юто, то отметил бы, что префект рассуждал абсолютно здраво. Суд, судилище, ристалище, каррузель⁸ – в общем, турнир, и не всегда при том рыцарский. Конфликт по правилам, писаным и неписаным. «Высушить дело» – это, пожалуй, несколько грубовато, зато точно. Можно использовать маркетинговую терминологию по стратегиям поведения. Компромиссное решение легче выносится, когда стороны устают и теряют интерес к первоначально намеченным целям. В основе этой модели в судебном процесс лежит ориентация суда и прокурора на интересы участников конфликта, причём с обеих сторон. Но так как в самом начале своего возникновения любой конфликт ещё «горяч», та часть его участников, которая рассчитывает на минимальное наказание подсудимого «гасит» раскалённые угли противника временем. Время лечит и гасит эмоции.

ским и уголовным делам и является высшим апелляционным судом по этим делам.

⁸ Военная игра, достигшая большого развития в XVII веке, заменив собой турниры рыцарей.

«Нет, это точно не мой уровень. Здесь бы самому не потерять головы и места», – продолжил свои умозаключения Юто.

В это же время.

Я решил немного отвлечь бывшую клиентку, которая уже сидела напротив за моим столом, от её горячих экзотических мыслей:

– Вижу, у тебя всё неплохо. Новый муж, свой бар.

Лёд недоверия треснул и стал таять благодаря последней моей фразе.

– Ой, – махнула рукой Анна-Мари. – Муж новый, но за ним нужен глаз да глаз. А бар – это так, одно название в этой части нашего азиатского округа. Сначала я купила половину этажа, в два раза больше нашего сегодняшнего бара. Когда я его начала выкупать, то при дневном свете он выглядел так, что казалось, что здесь всё разваливается – всё зависит и от освещения тоже. Но не рассчитали с деньгами. Сделать приличный ремонт и то нам всё не удаётся. Пришлось вторую половину сдать в аренду, но и это не спасает. Здесь не хватает хорошего света и музыки. Стоит сделать приличный ремонт, правильно установить свет, включить модную музыку, запустить сюда пару хорошеньких девочек и это была бы совсем другая история. Для этого пришлось бы сюда нехило вложиться, но деньги бы потекли неплохие. Что-то вроде небольшого клуба. К сожалению, деньги закончились раньше, чем мы сообразили, что не потянем таких расходов.

Так что мы прибрали верхний слой грязи, немного потратились на ремонт для отвода глаз, и открылись, чтобы не влезть и дальше в неподъёмные долги. Что нам ещё оставалось делать?

Она расслабилась и готова была и дальше выкладывать все подробности своей новой семейной жизни, если бы почувствовала, что наш диалог теплеет.

Я перевёл взгляд за стойку и с видом скучающего слушателя широко улыбался магрибской физиономии на фоне выставленных бутылок с напитками. В ответ – абсолютное спокойствие, он даже глазом не моргнул. Думаю, его любопытство по отношению к моей персоне и её роли в жизни его сегодняшней жены проявится в полной мере уже после того, как я покину помещение их бара. Пока же – полный ноль! Словно я – муха на крышке из-под кока-колы! Хорошая выдержка для бармена. Весьма ценная профессиональная черта.

Я ломал голову в поисках подходящего ответа для Анны-Мари. Такому, чтобы не давать ей ни шанса увидеть на моём лице интереса к продолжению откровенной беседы. Классическое колебание. К примеру, можно было бы порасспросить, не нарожала ли она детей и как их зовут. Или посоветовать, что в том углу, где девчонки до сих пор потягивают пиво, хорошо бы установить небольшую эстраду, а напротив – какой-нибудь музыкальный автомат, или стол для бильярда. Или хотя бы выразить хоть какое-то участие к ней

фразой: «Надеюсь, у вас всё наладится».

С видом человека, плохо разбирающегося в подобных сложных жизненных ситуациях, я издал глухим голосом что-то вроде «М-да». Похоже, Анна-Мари не слишком это вдохновило на последующие душевные излияния, поскольку она кивнула, встала и неспешно направилась к стойке – досматривать дальше телек. Зря я её обидел. А всё потому, что не ожидал её встретить именно здесь. И мне действовал на нервы и её новый муж.

Я отпил колу из стакана. Обмениваться взглядами с магробарменом у меня не было никакого желания. Поэтому, чтобы не буровить взглядом обшарпанные стены, мне пришлось переключиться на двух пивоохлёбщиц, которым вряд ли исполнилось по двадцати лет. Одна – длинноволосая брюнетка. Волосы цвета грязного нефтяного пятна она связала в тугий конский хвост на затылке; её профиль с чересчур уж выдающимся вперёд подбородком тоже не придавал её силуэту особого шарма. Вторая – такая же круглолицая, как и моя, оказывается, знакомая официантка этого бара, выглядела немного старше своей подружки, но тоже предметом моего интереса стать не могла. Сплошная экзотика, но на пипшоу это не походит. Впрочем, согласен, аналогия неудачная.

Я перевёл свой взгляд на окно. Там тоже не происходило ничего особенно интересного. Только пошёл дождь. Да уж, не вовремя. С учётом того, что у меня моется машина. Интересно, как там отдыхается на Сейшелах моему другу Лу-

гарини? Я поймал себя на мысли, что назвал его другом. А разве это было не так?

Сандро Лугарини – очень интересный типаж корсиканского политика. Он на десять лет младше меня. Я очень люблю свою работу, а потому нередко пашу как чёрт в аду, но его энергии и работоспособности можно было только позавидовать. Хотя в моих жилах течёт корсиканская кровь в небольшом количестве, но он – чистой воды корсиканец. Сандро родился в небольшом селении Винья-ди-мунтанья.

Винья-ди-мунтанья. Если перевести с корсиканского – «Горная лоза». Это почти в центре гранитного хребта острова. Раньше попасть туда было очень непросто. Лишь одна узкая серпантинная тропа (сегодня – узкая полоса асфальта), которую время от времени засыпают падающие со склона горы коварные камни, а снежными зимами иногда заваливает метровым слоем снега, соединяет деревню с остальной Корсикой. По словам местных жителей, ещё в прошлом веке на эту тропу жизни свалился такой громадный и прочный валун, что пришлось от него избавляться с помощью военных подрывников.

Говорят, на острове эта деревня единственная, где на такой большой высоте собирают особый местный виноград, который благодаря своим удивительным свойствам произрастает на границе между Верхней Корсикой и Южной. Небольшая низина в горах в центральной части острова скрывает от зимней стужи и ветров небольшой по площади виноградник

и селян, возвращающих его на протяжении нескольких веков на практически гранитных почвах. И вино из этого местечка получило свою категорию АОС⁹.

Даже общеевропейские законы по обязательному выкорчевыванию виноградной лозы не затронули этот особый сорт. Когда в семидесятые годы прошлого века сюда заехали инспекторы с континента, контролирующие выполнение закона об экстирпации виноградников, с оружием их встретили не только все мужчины Винья-ди-мунтанья, но и старики, женщины и даже дети. Казалось, будь возможно держать в лапах ружьё, так и местные псы взялись бы за оружие. Но последним оставалось лишь под свист своих хозяев пробовать на прочность своими клыками инспекторские мундиры. Досталось и сопровождавшим их местным полицейским, и жандармам, но эти сильно уж в бой не рвались.

Однако никому из местных художников и до сих пор не приходит в голову украшать местные достопримечательности иероглифами FLNC¹⁰, которыми пестрят некоторые скалы и стены домов местных коммун, вызывая корсиканофо-

---

⁹ Вина, контролируемые по месту происхождения. Высшая категория французских вин.

¹⁰ Фронт национального освобождения Корсики – сепаратистская организация, цель которой – достижение полной политической независимости или же расширения прав автономии Корсики, признание властями Франции «народа Корсики» (по французским законам все граждане страны считаются французами). Впервые упоминается в 1919 г. Активную террористическую деятельность начала вести с 1976 г., с этого момента жертвами терактов стали сотни людей.

бию у иностранцев и туристов из северной Франции.

Сандро этих событий не застал, так как ещё не родился, но его односельчане не раз мне рассказывали эту историю местной психологической битвы, когда я бывал в Винья-ди-мунтанья. Да, я побывал там и не один раз. И поверьте мне, пешие или автомобильные прогулки в этой части острова – удовольствие не для слабонервных. Особенно если вы страдаете головокружениями от горных высот.

Среди местных рассказчиков особым талантом выделялся его старший дальний родственник (насколько возможно в селе на сто пятьдесят душ быть дальним родственником) Сандро – Анж Ботолли. Вот уж кто был виртуозным импровизатором! Он при этом мог вернуть в разговор словечки как из чизмонтанского, так и из ольтремонтанского¹¹ диалектов. Любая сценка, анекдот или самая обычная бытовая история обыгрывалась им так умело, что вам сложно становилось определить ту тонкую грань, которая отделила истину от приукрашенных историй, которыми Анж готов был сыпать без остановок. Даже если ему приходилось обыгрывать истории о беспощадности полицейских в семидесятые годы на острове; однако его собеседникам предлагались не просто пересказ запечатлённых в памяти кадров этих событий, а некие пространственные, многомерные театрализованные композиции. Привычным в таких изложениях обще-нормативным филиппикам этот автор предпочитал пародию.

---

¹¹ Диалекты корсиканского языка, близки к итальянскому.

Впрочем, мне приходилось наблюдать и за рассерженным, едва сдерживающим себя Анжем. Скажу вам сразу – в такие моменты объекту гнева лучше находиться от него на приличном расстоянии. Анж – тяжёлая правая рука Сандро, его родственник. Не знаю, скреплены ли эти отношения именно как родственные, или по другим причинам, но, если дела не требовали от них присутствия в разных точках планеты в одно и то же время, их можно было встретить только вместе, рука об руку. Такими неразлучными бывают только близнецы в детстве.

На Корсике поговаривали, что Анж был в ещё довольно юном возрасте знаком с небезызвестными братьями Симеоне, которые вступили в конфронтацию с властями Франции. В семидесятые годы Симеоне с местными националистами захватили погреб одного из алжирских поселенцев, которые якобы удваивали объёмы производимого ими вина, по сравнению с местными виноделами, путем добавления в него сахара и какой-то химии. На их беду пост министра внутренних дел в правительстве при президентстве Жискара д'Эстена занимал Мишель Понятовский, который был близким знакомым пострадавшей стороны. Через два дня после инцидента более тысячи полицейских, укреплённые четырьмя танками и несколькими вертолетами, атаковали захваченный погреб. В перестрелке двое полицейских были убиты, а зачинщики арестованы и осуждены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.